

А дольфо Куве
Урок рисования

Адольфо Куве

УРОК РИСОВАНИЯ

перевод с испанского

Adolfo Couve

LA LECCIÓN DE PINTURA

Повесть чилийского писателя Адольфо Куве «Урок рисования» рассказывает о нелегкой судьбе юного художника Аугусто Мерано, талант которого к рисованию проявился в раннем возрасте. Манера рисунка Аугусто была настолько совершенная, что аптекарь Карлос Агиар, у которого работала мать ребенка, даже не поверил, что это мог сделать он сам. Поняв, что перед ним истинный талант, аптекарь, будучи художником любителем, учит Аугусто основам рисования, а затем, понимая, что не может дать юному гению необходимые умения и навыки отправляет его в художественную школу в городе Винья дель Мар.

Об авторе

Адо́льфо Ку́ве Риосе́ко родился в городе Вальпараисо Чили 28 марта 1940 года, первые годы своего детства провел в городке Льяйльяй к северо-востоку от Винья дель Мар. Когда Адо́льфо исполнилось 8 лет, семья переехала в столицу Чили Сантьяго.

Адо́льфо всегда рисовал, а однажды отец застал его за рисованием портрета зубной пастой и обувной ваксой. Он купил ему масляные краски и взял слово, что сын будет заниматься живописью, как хобби. Однако как видим, сын слово не сдержал. Свои первые шаги в художественном творчестве сделал в Школе изобразительного искусства Университета Чили, а затем продолжил образование в Школе изобразительных искусств Парижа и Студенческой лиге искусств в Нью-Йорке.

Закончив учебу, был приглашен преподавать историю искусства на факультете теории искусства и живописи Университета Чили, на этом поприще Куве проработал вплоть до своей кончины. Одновременно он занимается живописью, которая по его словам соответствует «ностальгическому реализму»

Его характеризует тяга к небольшим портретам, пейзажам, простым натюрмортам, изображению фигур в помещении или на открытом воздухе, отображение повседневной жизни людей.

В своих картинах художник избегает эмоциональной нагрузки, рыхлого мазка, теневых оттенков и других ярких вещей, что отражает его острое визуальное восприятие и замечательную способность обрабатывать свет, тени и атмосферу.

Не смотря на свое солидное художественное образование и неоспоримый талант, в начале шестидесятых годов он оставляет живопись и полностью отдается литературе. И лишь в 1984 году вновь берется за кисть, так как по его словам он «почувствовал в этом естественную необходимость». Критика характеризует писателя как представителя повествовательного реализма и относит его к литературному поколению шестидесятников.

О том, как в нем уживется художник и писатель, Куве сказал в своем последнем интервью: «Как художник я был довольно слабым, неровным. Имея возможности, не отдавался полностью и не сыграл эту роль, на должном уровне. Невозможно одновременно быть в двух ипостасях, это очень трудно, потому что живопись и писательство, разные вещи. Живопись помогла мне писать, а литература помогла рисовать. Я рисую своим угольком свои вещи, храню их, но не демонстрирую, хотя они хорошо выполнены и они нужны мне. А вот с чем я выхожу наружу, чтобы бороться то это с моими книгами....».

В 90-е годы Адо́льфо Ку́ве был подвержен тяжелой депрессии. Постепенно он самоизолировался от мира и все свое время проводит в узкой компании любимой собаки

Мавр, попугая Валентино и близкого друга Карлоса Орменьи. Утром 11 марта 1998 года Куве покончил с собой в возрасте 57 лет.

Имя Куве не забыто в Чили, его картины хранятся в лучших музеях страны и недавно вышло в свет полное собрание его литературных сочинений. В 2011 году режиссер Пабло Перельман снял фильм по мотивам повести «Урок рисования».

Куве оставил большое литературное наследие, однако ни в Советском Союзе, ни в современной России произведения Куве не переводились. И предлагаемая читателю повесть лишь первое, из произведений писателя переведенное на русский язык.

Повесть «Уроки рисования» Адольфо Куве была впервые опубликована в 1979 году и сразу же вызвала восторг у критики. По мнению критиков, повесть носит автобиографический характер. Название подсказывает читателю, о чем будет идти повествование и действительно главный герой Аугусто Мерано на протяжении всего рассказа учится рисовать. Сначала его учит художник-любитель, владелец местной аптеки Карлос Агиар, он первый осознал удивительные способности мальчика к рисованию и узрел в нем будущий великий талант. Затем Аугусто учится рисованию самостоятельно на деревенской натуре, рисуя натюрморты в овощной лавке и портреты местных жителей в таверне. В заключении мальчик получает уроки рисования у профессиональной художницы Лукреции Кортес в портовом городе Винья дель Мар.

Автор показывает, как сначала бессознательно, основываясь лишь на природном даре, Аугусто начинает рисовать, поражая своего учителя своими способностями, а затем, получив азы художественного ремесла, уже осознанно находит свое творческое кредо. Он понимает, что мир состоит из реальности, часть которой скрыта от людей, и раскрыть эту тайную сторону жизни можно лишь средствами живописи.

Адольфо Куве, сам профессиональный художник ведет с читателем прямой разговор, перенося свой жизненный опыт на перипетии персонажей своей повести и высказывает главную мысль – художник летописец эпохи, он должен и обязан помимо эстетических и нравственных задач описывать свое время, давая зрителю ответы на злободневные вопросы.

Эту мысль Куве зашифровал в, казалось бы, непонятно откуда взявшемся интересе Аугусто к картине Раймона Монвуазена «9-ое Термидора», описывающей последние часы диктатуры Робеспьера. Не будем забывать, что 1978-1979 годы, когда писалась повесть - это время диктатуры Пиночета в Чили. Надо обладать большим мужеством, чтобы вот так, почти открыто выразить свое отношение к палачу, пришедшему к власти через кровавый переворот 11 сентября 1973 года.

Переводчик Анатолий Хаматов

УРОК РИСОВАНИЯ

Камиле

1

Город Льяйльяй¹ вытягивается понемногу в нескончаемую аллею обрамленную пальмами, которые сопровождают путника вплоть до моста у аптеки, место, откуда начинается основная дорога на Сан Фелипе. Под мостом, почерневшим от тени своей арки и постоянных брызг реки пересекаемой большими шлюзами, извилистая тропинка опускается, огибая плавни до поселка, который, не смотря на свою удаленность, считается частью города, оставшегося у нас позади. Его расположение подчеркивается именем, местные жители, говоря о нем, называют его просто – окраина Моранды.

По мере того, как мы удаляемся от автострады, пересекаемой в разных направлениях, шумными и быстрыми автомобилями, и приближаемся по грунтовой дороге к названной окраине, мы чувствуем смятение, признак того, что находимся далеко от прогресса и некоторую радость, наблюдая реальность, находящуюся вне сферы охвата конкуренцией и течением времени.

Окраина Морандэ включает не более двадцати домов выстроенных по одной линии, напротив которых течет ручеек и колыхаются старые насаждения затемняющие улицу. Несколько жилищ нарушают общую симметрию импровизированным вторым этажом или балкончиком, но это возмещается тем, что все дома смогли добиться единого колера, который разделяет фасады пополам.

Рядом с большинством дверей обращает на себя внимание большой камень, который служит в качестве ступени. Трудно найти среди этих дверей, закрепленных в коробках хотя бы одну без щелей, через которые изнутри просвечивает желтоватый свет свечей.

В низких и крошечных на вид окнах висят посередине стекла слабо натянутые занавески, напоминающие вывешенное на сушку белье. Их обитатели постоянно увлажняют пыльный тротуар, поливая его обмылками или водой из кувшина.

Глубокая тень чередуется с освещенными солнцем местами, последние настолько яркие, что теряется фактура земли. Лежащие собаки сливаются с тенью. А непоседливые птицы на скотном дворе наоборот, быстро пересекая световой поток, внезапно восстанавливают свои четкие силуэты.

¹ Льяйльяй или Льяй-Льяй — город в Чили. Административный центр одноимённой коммуны. Население города — 16215 человек. Город и коммуна входит в состав провинции Сан-Фелипе-де-Аконкагуа и области Вальпараисо.

Отдельные дома, превращенные в магазин или лавку поддержанных вещей, вытянули под карнизом обветшалый тент, который остается растянутым весь год. Как драгоценный камень сияют бронзовые весы среди унылого цвета картофельных мешков, полупустых витрин и потускневших бутылок зажатых с разных сторон медовыми сладостями.

На заднем плане улицы открывается круглая площадь, без деревьев, в центре которой возвышается цементный цоколь с объемными чашечками промазанных известью. На этом пьедестале находится одинокий крест, это все, что осталось от скульптуры Христа и приклеенные к брусу маленькая надпись, и терновый венок.

В единственном обособленном доме, который стоял напротив маленькой площади с пустым крестом, вдова Медрано, миниатюрная и нервная женщина, растила своего сына. Прошло несколько лет, как она одетая в строгий траур, с головой, скрытой под плотной накидкой и, неся только что родившегося ребенка на руках, прошла по главной улице Морандэ, чтобы поселиться в этом доме, который ни с кем и ни с чем не соседствовал. Ее вид привлекал внимание, так как за такой малозначительной внешностью скрывалась удивительная жизнестойкость, а в ее походке и манерах прослеживались четкость и быстрота, свойственные механическим игрушкам. Две причины заставляли ее хранить молчание и держаться в полной изоляции от своих соседей: первая, ее прошлое; вторая, тайное тщеславие от чувства своего превосходства над другими.

Жертва упоительной страсти ранней молодости, против которой возражало ее собственное сердце, она понимала, что правда скрываемая ею от родителей, через несколько месяцев неизбежно станет очевидной. Не полагаясь на поддержку того, кто однажды уже ее добился и на этом посчитал, что дальнейшее не его дело, она, у какой-то двери на улице произвела на свет дитя, пытаясь до последнего момента не осознавать того, что все эти события происходят именно с нею.

Родители, пока Эльвира находилась еще в клинике, обманывая себя тем, что о случившемся никто не знает, оформляли отказ от ребенка. Казалось, что если Эльвира выказывала равнодушие, и в кровати лежала спиной к только что родившемуся, то будет согласна на отказ, но она приняла совсем другое решение.

Однажды утром на рассвете, незамеченная, она украла одежду вдовы занимающей соседнее место, а у одной из монахинь, присматривающих за палатой, платок от ее головного убора и одетая во все это покинула город Сан Фелипе. Она шла, пока дорога не привела ее к мосту у аптеки. Здесь она перешла на тропинку, которая привела ее прямо к дому, который она сейчас занимала.

Подобно тому, как избранные души, перейдя через врата рая, превращаются в полупрозрачные крылатые существа, так и Эльвира Медрано, пройдя в трауре через два десятка домов и лавчонок Морандэ с ребенком на руках, превратилась из матери-одиночки в

уважаемую вдову. Соседи почувствовали в своих сердцах не отторжение, к чему обязывало первое, а сочувствие, что пробуждает второе.

Никто не знал, каким образом достался ей этот дом, пребывающий к тому времени пустующим, ни куда она направлялась каждое утро, когда дойдя до моста, исчезала из виду. Было известно, что она оставляет ребенка одного, но никогда никто не слышал его плач, несмотря на то, что она возвращалась, когда ветер уже имел позволение раскачивать в свое удовольствие крону деревьев и бросить вызов на небе хищным птицам.

Уверяли, что ребенок остается в бочке, но никто не мог это подтвердить, потому что плотные кусты мансанильи подкрепляя хлипкую ограду садика, взяли на себя обязанность скрывать дом от любопытных.

Только из-за одной мелочи Эльвира не могла отказаться от своего высокомерного и враждебного отношения, и была вынуждена продолжать свое, обычное поведение. Это был страх, который возникал от одной только мысли сменить свою неизменную черную одежду на более яркое и веселое платье.

Внутри бочки маленький Аугусто с трудом помогая себе ручками, вертелся по кругу пытаясь стоять на ножках. На первых порах, когда Эльвира возвращалась из своих походов, то находила его спящим на дне, обнимающего тряпичного моряка. Однажды ночью, она, наклонившись, чтобы извлечь его обнаружила, что ребенка не было, также как и его куклы. В отчаянии она обежала весь дом пока не обнаружила обоих весело болтающими на кухне. После этого, запретив ему выходить из дома, согласилась освободить его. Каждый вечер, вступив на улицу квартала, она ускоряла шаг, добавляя к звуку шагов биение своего сердца. Берясь за дверную ручку, она боялась открыть ее, представляя себе самое худшее. Однако происходило обратное, вместо беспорядка и несчастья она заставала заботливого мальчика, который по прошествии времени начал выполнять небольшие работы по дому: подметать, мыть посуду, приводить в порядок одежду. А вот что было нелегким для малыша, так это готовить еду и особенно ждать, свою мать не засыпая. Поэтому он взял в привычку забираться на ее кровать, зная, что когда Эльвира вернется, то разбудит его поцелуями и ласками, чтобы отнести в свою спальную комнату.

Малыш, как и мать, был хрупкого телосложения. Казалось невозможным, чтобы эти две как ниточки худенькие ножки могли поддерживать туловище или же тоненькая шейка голову. Обычные черты лица, черные волосы казались окрашенными под шелк и спадали густыми прядями на лоб. Рот крошечный, нос маленький и вздернутый, однако его настороженные и ясные глаза, которые всегда смотрели прямо, были очень выразительны.

Большое волнение произошло в округе, когда однажды, нарушив указание матери, малыш, завернувшись в шаль и в тапочках, которые явно были не его, решительно тянул за собой коляску с моряком внутри, прошелся по главной улице Морандэ, вплоть до моста у

аптеки. Когда он отправился в обратный путь, то количество зрителей удвоилось. Они с изумлением наблюдали, как мальчик снова проходит мимо домов и лавок с достоинством отца, который гуляя со своим сыном, выставляет его полный гордости напоказ. Ни разу он не оглянулся на любопытных, ограничившись лишь тем, что сильно хлопнул дверью ограды садика, от чего стебли мансанильи устремились друг к другу, наклоня свои венчики, чтобы поклониться ему. Это была его первая прогулка, потом будут другие.

Аугусто стал частью жизни округи.

Кукла была очень необычная, так как вместо одного лица имела три, приводимые в движение ручкой имеющейся на голове. Если ее вращать, то поочередно появлялись разные лица, каждое из которых показывало другое выражение. Когда на виду было улыбающееся лицо, то другие были скрыты под плюшевой шапочкой. За веселым следовало спящее лицо, а за ним в свою очередь, опечаленное со слезами, нарисованными на щеках.

2

Карлос Агиар, известный фармацевт, скрашивал нелегкую работу по управлению аптекой² постоянным вниманием к различным художественным и культурным мероприятиям столицы. Это выражалось в том, что поскольку редкие зрелища в поселке были для него скучными, то он предпринимал длительные вояжи в Сантьяго. Не думайте, что Агиар был одним из тех людей, о которых говорят, что у них поверхностное представление о культуре; это, по всей видимости, больше подходит к женщинам, которые вследствие выгодного брака перешли от одного общественного положения к другому. Карлос Агиар, наоборот, имел более чем достаточное представление о культуре, был проникнут ею, это ставило его в положение, когда он просто обязан был владеть некоторыми познаниями, которые в иных случаях, выходили за рамки обывательских забавных историй и позволяли ему погружаться в эстетическое содержание и методы.

Он считал себя способным выразить свое мнение и оценить все и вся, однако его коньком была живопись. Карлос поражал свою аудиторию рассказами об истории гениальных людей, неизменно делая упор на парадоксальность жизни художников, которая заключалась в том, что за их творения им платили немного или вовсе нет, а после смерти те же самые картины достигали баснословных цен.

Его любимой темой была школа импрессионистов. Он угощал своих гостей коктейлем «писко сауэр»³, пускал по кругу маслины с кусочками сыра, нанизанными на зубочистки и,

² в оригинале «droguería – аптека» - в Южной и Центральной Америке это не просто аптека, а магазин, в котором кроме лекарств торгуют предметами по уходу за здоровьем, телом и кожей, БАДами, предметами бытовой химии или как говорили раньше москательными товарами.

³ «Писко сауэр» (англ. Pisco sour) — коктейль на основе виноградной водки (писко), распространённый в Перу и Чили, считается южно-американской классикой.

одновременно, услаждал их рассказом об ухе Ван Гога, который отрезал его, чтобы подарить своей любимой. Или о самодурстве проявленного графом Альфонсо де Тулуз Лаутрек⁴ к своему изуродованному сыну, его заносчивому поведению, когда он в день похорон сопровождал гроб с художником сидя на коне верхом. Истории шли одна за другой, а если кто-либо из приглашенных прерывал его чтобы указать на деталь, которую сеньор Агиар по видимому упустил, то он утихомиривал его ледяным взглядом, переводя разговор от простой забавной истории к художественной оценке упомянутых живописцев. Тогда следовали выражения типа «художники наполненные светом и движением», «картины, сделанные не из чего» и фразы в этом стиле, которые заставляли остальных думать, что сеньор Агиар не только сведущий человек, но знает кроме биографий, сущностное содержание присущее этим школам.

Салон проходил в рабочем помещении аптеки, так как в жилые комнаты, находящиеся за кладовыми он почти никогда не приглашал. Поскольку прилавок делил эту огромную постройку пополам, то, как только заканчивалась коммерческая деятельность, он закрывал дверь, расставлял по местам несколько стульев и табуреток по клетчатому от белых и черным кафельных плиток полу. Лампа, накрытая зеленым абажуром и тяжелая, как свинец, опускалась на небольшое расстояние от пола, от чего находящиеся поодаль шкафы заполненные склянками и коробками с лекарствами исчезали в темноте.

Все время голоса участников салона смешивались с шумом воды от ручейка, перегороденного шлюзом. Кроме того слышно было автомобили, конские повозки и лошадей, когда они переходили через мост.

Аптека состояла из четырех построек мрачного вида. Они были очень непривлекательные, как будто им отстрогали фасады, так как покрытые желтой медью были украшены лишь высоко располагавшимися маленькими окошками, едва оттененными подрезанными цинковыми карнизами. Два дымохода разной высоты торчали над крышей. Но только в доме Агиара можно было увидеть растения и редкие деревья, окруженные ухоженным палисадом.

Напротив аптеки располагавшейся рядом с мостом возвышался единственный в долине маленький холм, который поддерживал на своей вершине белый пруд с чистой пресной водой. Чтобы отвлечься, Карлос Агиар каждый вечер наблюдал с галереи своего дома оснащенной морской подзорной трубой коз, которые под охраной пастухов из Морандэ паслись на вершине.

⁴ Отец Анри Мари Раймона (1864 — 1901) — французского художника-постимпрессиониста из графского рода Тулуз-Лотреков, мастера графики и рекламного плаката.

Перед приходом гостей, Карлос убирал с прилавка банку с эвкалиптовыми пастилками, так как по опыту знал, что по прибытию они поглощали одну за другой ароматную жевательную резинку.

Карлос был крепким мужчиной, почти без волос и совсем без шеи, поэтому казалось, что его голова привинчена к плечам, поэтому его рубашка всегда была расстегнутой. Он носил белую хлопчатобумажную блузу пуговицы, которой едва выдерживали полноту своего хозяина. Короткие ноги и сильные икры показывали свой объем, покрывая брюки складками. Его руки, ноги и черты лица были очень маленькими, особенно его глаза, напоминавшие две щели, прделанные консервным ножом на этом широком лице. Его тело было немного отклонено назад, что не позволяло видеть, куда он ступает, и делало его шаги осторожными, как шахматная фигура, напуганная этой огромной доской из кафельной плитки.

Иногда, чтобы не утомлять свою аудиторию неоднократно обсуждавшейся темой о живописи импрессионистов, он брал скрипку и, погружая свой мягкий подбородок в инструмент, кружился с легкостью бабочки между стульями, срывая вздохи у дам и подозрительные взгляды у мужчин. Казалось, что склянки дрожали от пронзительно оглушающих звуков исполнителя, но этот шум был вызван аптечной котом, который оглушенный мяуканьем своего хозяина искал выход, балансируя между лекарствами.

Когда он исполнял более серьезные вещи, то нуждался в пюпитре и ассистенте, в большинстве случаев им оказывалась вдова Медрано, которая с благоговением церковного служки наливающего вино или переносящего требник переворачивала пожелтевшие страницы партитуры.

Эльвира Медрано была единственным представителем персонала, которой разрешалось общаться с гостями, возможно потому, что она работала не в лаборатории и не в кладовой, а вместе с хозяином в офисе аптеки.

Сидя на высоком табурете, она с утра до вечера тщательно выверяла бухгалтерскую книгу, записывая превосходным почерком в колонки прихода и расхода суммы. Время от времени она макала ручку в фаянсовую чернильницу, затем прикасалась пером к ее кромке, чтобы таким образом не дать упасть кляксе на выписанные цифры. Молчаливая, с опущенной головой, она настолько сосредотачивалась на своих обязанностях, что ей удавалось становиться почти незаметной, и как оказалось, Агиару очень подходила такая безгласная сотрудница. Они никогда не позволяли себе разговаривать в течение рабочего дня, это откладывалось исключительно на время салона, на котором оба беседовали столько, что казалось вдова не находилась там целый день, а только что пришла.

Другим завсегдатаем была сеньора Леонтина, из аптеки в Ляйляй, которую приводил в магазин у моста двойной интерес: с одной стороны необходимость повышать свои скудные знания, а с другой, иметь добрые отношения с основным поставщиком своей лавки. Никогда

не пропускала салон старая Берта, тощая и облезлая, как мех побитый молью, которой ее самоотверженная поездка в Европу, как ей казалось, давало иногда право оспаривать сеньора Агиара. Она была очень больна диабетом и фельдшер, сеньор Флорес, также здесь присутствующий, колот ее каждое утро.

Вступила в кружок и сеньорита Торес, швея, которая жила у выхода из городка, что облегчала ей путь, так как она проделывала его пешком. Она носила очки в черной оправе и говорили, что однажды позволила себе показать сеньору Агиару и его друзьям непристойную скульптуру, которая с незапамятных времен находилась в ее доме, что вызвало продолжительное безмолвие и в результате сеньориту Торес исключили на несколько месяцев из столь избранной компании.

Кроме этих, был еще старый немец, который несколько лет назад продал свою аптеку нынешнему хозяину, привозимый своею экономкой. Так как он страдал подагрой, то необходимо было помочь ему выйти из своего старого Форда и посадить у прилавка. С желтоватыми от невоздержанности к сигаретам усами, он говорил тонким голосом, контрастирующим с его огромной фигурой. Он увлекался мастифами, но так как болезнь мешала ему ухаживать за ними, то это делала его компаньонка, которая боясь быть укушенной, бросала им пищу, водрузившись на лестницу, опиравшуюся на железную решетку за которой собаки валялись в похлебке и объедках, и лаяли.

Между немецким фармацевтом и сеньором Агиаром было одно нерешенное дело, которое беспокоило обоих. Речь шла о портрете алхимика 18 века, висевшего над конторкой, за которой работала Эльвира. Это был портрет импозантного мужчины в одежде из атласа, коротких штанах, красных чулках и туфлях на каблуках. Два завитка столь же безупречных, как наполненные вафельные трубочки сеньоры Леонтины, завершали парик этого персонажа, державшего колбу над пылающей саламандрой.

При продаже аптеки портрет не оговаривался и поэтому, как предыдущий, так и настоящий собственник считали себя хозяином картины. Проникающий взгляд алхимика тоже следил за обоими пытаясь узнать, несмотря на его ученость, кому же он принадлежит.

За мостом уже знали, когда в аптеке была вечеринка. Об этом возвещали средства передвижения, стоящие на гравийной дорожке напротив ворот. Пока внутри сеньор Агиар гипнотизировал свою аудиторию длинной и томительной речью о жизни выдающихся художников, снаружи пестрая группа транспортных средств контрастировала с суровыми фасадами складов, дома и лаборатории. Первым стоял велосипед Легнано, хромированный, с фонарями и багажной сеткой, который фельдшер аккуратно прислонил у оконной рамы. Затем Форд старого владельца, сеньора Бехарда, серого цвета, с изолированной толстым скошенным стеклом кабиной шофера. На руле, как огромный агат, выступала кнопка клаксона. Последним стоял обветшалый и запыленный наемный экипаж, которым

пользовались сеньора Леонтина и ее муж. Такса для них была «настолько умеренной», что они заставляли его ждать до конца вечеринки. На вокзале этот экипаж вместе с бесконечным рядом автомобилей ожидал прибытия поездов. Здесь он нанимался сеньоритой Леонтиной и отправляясь с вокзала Льяйльей, прежде всего, поворачивал на площадь, чтобы забрать старую Берту и кого-нибудь из других гостей, затем сразу же ехал по длинной пальмовой аллее в направлении к мосту. Обычно они встречали на дороге машину Бехарда и велосипед фельдшера и, образовывали, таким образом, настоящий кортеж. Впереди ехал автомобиль, затем экипаж и ухватившийся за его дверцу велосипедист, который освобождался при этом от необходимости давить педали на склоне. Сиплое гудение Форда, стеклянные погремушки экипажа и крики фельдшера пытающегося общаться с женщинами, были сигналом для швеи, чтобы остановить Зингер⁵, снять с себя булавки и мерную ленту, и присоединиться к каравану, который дойдя до моста, внезапно исчезал на спуске, чтобы затем мутные и расплывчатые средства передвижения уже вновь появились перед аптекой.

Кучер Ахиллес, сидя на козлах, пока ждал, чинил упряжь или терпеливо вырезал на рукоятке плетки. Но почти всегда его работу прерывало появление Агиара, который приоткрыв зарешеченную дверь, приглашал его войти. Таким образом, он проявлял свое чувство гуманности, зная, что Ахиллес предпочитает ждать своих клиентов снаружи, вместо того, чтобы прилагать усилия высиживать спокойно на стуле.

Никогда собрания не проводились в выходные дни, в которые гостеприимный хозяин убывал в Сантьяго или Вальпараисо, чтобы «войти в курс тамошних дел» в области зрелищ.

Как-то ему срочно потребовалось посмотреть фильм, о котором он читал рецензии и комментарии, появившиеся в газетах и журналах. Поэтому приехав на вокзал Мачо⁶, он взял такси, которое немедленно доставило его в кассу кинотеатра, где к своему удивлению он обнаружил не очень большую очередь людей. Выйдя из машины, Агиар первым делом подошел к окошку, чтобы выяснить, сколько билетов в наличии и посчитать количество людей желающих их приобрести. Довольный тем, что билетов хватит на всех он встал в очередь. Сеанс должен был вот-вот начаться. Зал был маленький, а места хотя и разбросаны, все были удобные. Осталось лишь три человека до очереди Агиара, как появился знакомый того, кто стоял перед ним, и попросил его взять ему билет. Когда Агиар подошел к окошку, то билетов уже не оказалось.

— Вот почему, — объяснял он возмущенно своей потрясенной аудитории, — когда меня просят купить входной билет, то я наотрез отказываюсь.

⁵ Швейная машинка популярной в то время американской фирмы Зингер (Singer Corporation).

⁶ Центральный железнодорожный вокзал столицы Чили Сантьяго.

— Какой ужас! — отметила сеньора Леонтина, чтобы затем добавить, — Прodelать такой далекий путь и впустую...!

— Именно так, мой друг! Из-за одного билета!

Этот случай привел к тому, что в четверг после обеда, Карлос Агиар выплатил зарплату имеющимся у него четверем работникам. А всю пятницу он приводил себя в порядок: принял хорошую ванну; побрился так тщательно, что щеки его заблестели; подрезал по краям бороду, охватившую его лицо белым кругом; отполировал свои туфли и наконец, приготовился выехать на рассвете следующего дня.

Одно из наиболее запомнившихся собраний было то, на которое гости, нарушив сложившуюся традицию, прибыли, как попало. Сеньорита Торо обманутая другими клаксонами и погремушками явилась раньше всех; фельдшер теперь ехал один, и ему пришлось нажимать на педали всю дорогу; и последним был Форд сеньора Бехарда, на котором на этот раз приехала остальная часть народа, включая сеньору Леонтину. Последней от этого полегчало, потому что, по ее словам, обязательство всегда брать экипаж Ахиллеса «отразилось бы на ее психике», «сделает ее зависимой», «такой способ – гарантирует невроз». Все это она прочитала в женском журнале в течение тех бесконечных часов, когда аптека была безлюдна. Кучер, озадаченный, думая, что с его клиентом случилось что-то необычное, приехал на всякий случай, подгоняя свой пустой экипаж. Когда он подъехал, то Агиар услышав скрежет гравия под обрешиненными колесами, вышел ему навстречу и, подняв палец ко рту, велел ему короткими и повторяющимися жестами, чтобы он вошел в дом. Пока Ахиллес искал, куда бы сесть, он столкнулся с взглядом сеньоры Леонтины. Она была окутана полумраком, но все равно была видна ее неприязнь такая же, как и у кошки.

В тот момент Агиар читал своим друзьям книгу Амбруаза Воллара⁷ «Воспоминания торговца картинами» и все были в восторге от превратностей жизни Мане, и от того, как его вдова вынуждена была разрезать на множество кусочков картину «Расстрел Максимилиано», чтобы продавая их порознь, получить больше денег и иметь возможность оплатить его долги. Затем они перешли к историям Ренуара с его моделями, о столкновении их с его женой; самоотверженности Сезанна и экстравагантной жизни, которую Гоген вел в Полинезии в окружении туземцев.

По недосмотру, склянка с эвкалиптовыми пастилками осталась на прилавке и оказалась в пределах досягаемости старой Берты, которая вопреки указаниям своего врача глотала их одна за другой, словно хотела покончить с собой.

⁷ Амбруаз Воллар - французский предприниматель, один из крупнейших торговцев произведениями искусства в Париже в конце XIX - начале XX века.

— Вы не должны есть столько сладкого, друг мой...! — воскликнул Агиар, откладывая книгу в сторону. И обхватив склянку своими короткими руками, положил ее подальше в один из шкафов. Фельдшер, который задремал, как и кучер, поднял свою голову, когда старая Берта оправдывалась:

— Моя бедная мама тоже страдала диабетом, устав от всего она убила себя, съев банку джема.

Все разом заговорили о болезнях, Эльвира воспользовалась этим моментом, чтобы принести два больших подноса с кусочками сыра и маслинами нанизанных на зубочистки. Агиар разлил ликер по всем стаканам, кроме старой Берты, которой Эльвира налила кофе с молоком. В качестве компенсации Агиар предложил ей яблоко. И пока гости наслаждались закуской, не зная, куда деть зубочистки, фармацевт взял скрипку, и, прищурив глаза, позволил себе перенестись в одну из мелодий Сен-Санса

Этим они занимались, когда произошли кое-какие необычные события, нарушившие обычный ход собрания. Сначала был ветер, который снова и снова бил по решетчатой двери; затем лошадь от экипажа, которая с продолжительным аккомпанементом справила свою естественную потребность, сильно позабавив этим публику; и наконец, к изумлению всех, мальчик, с волосами, спадающими на лоб, сжимающий омытого слезами тряпичного моряка, ступил босыми ногами на чистый пол. Участники салона были озадачены. Ошеломленная Эльвира не зная, как реагировать, заламывала руки, пока Агиар, не прерывая игры, не наклонился, опустив инструмент до высоты этой пары больших черных глаз. Затем, смеясь, отвел смычок от струн.

— А ты, кто такой? — спросил он ласково.

— Меня зовут Аугусто — ответил тот решительно.

— Вот и хорошо, Аугусто, заходи, — воскликнул фармацевт и взяв малыша за руку, отвел его до того места, где спрятал пастилки, а затем к свободному стулу у прилавка.

— Здесь ничего не произошло, — воскликнул он, смеясь, возобновляя мелодию.

Эльвира поднялась и, делая вид, что не ребенок ее интересует, а подносы, села рядом с ним, умоляя Бога, чтобы никто не заподозрил, что это был ее ребенок. Разумеется, гости не увидели связи ребенка с кассиршей Агиара, однако этот, более недоверчивый и хороший физиономист, увидел схожие черты лица матери и ребенка, и когда все остальные ушли то он, убирая скрипку в футляр, не глядя на Эльвиру, сказал ей:

— Приводи сына каждый раз, как захочешь. Поверь, он мне не мешает. Наоборот, он понравился мне.

Этой ночью, пока они пересекали поселок, мать почувствовала большую радость и некоторое облегчение, это проявилось в том, как она незаметно и горячо сжала ручку

Аугусто. Дойдя до площадки перед своим домом, она повернула голову к пустому кресту, и от волнения ей показалось, что увидела скульптуру разрушенную дождем и ветром.

3

Когда заря начала рисовать свое лицо на поверхности речушки, вызволяя из потемок ее очертания, Эльвира и ее сын направились в аптеку. Там мальчик, сидя у прилавка, рядом с конторкой матери учился писать палочки и гласные буквы, а затем вполголоса, чтобы не мешать сеньору Агиару, читать по складам свои первые уроки.

Фармацевт, делая вид, что сосредоточен на измерении химических веществ на весах, заточенных в колпак из стекла, не переставал присматривать за своим маленьким подопечным, его заполняло нежностью то упорство, с какой тот включился в учебу. Стараясь, чтобы мальчик не заметил, он, молча, следил за ним через плечо, пока очки не сползли ему на нос. Эльвира, со своей стороны прикидывалась непонимающей, предоставив хозяину опеку над своим сыном, как знак благодарности, отношение которого заставляло ее контролировать и скрывать тайные порывы своего сердца. Выполнив какой-нибудь урок, заданный ему Агиаром, малыш с трудом сползал с высокого стула и с тетрадью в руках подходил к фармацевту, который преднамеренно мешкал с проверкой.

— Что случилось? Уже закончил? Быстро же, однако! Посмотрим... Правильно! А теперь будешь складывать и еще вычитать.

Аугусто снова вскарабкивался по стулу, пока не достигал прилавка и принимался опять и опять за свои бормотания и расчеты, используя пальцы рук. Также он использовал их для стирания и в этом случаи он представлял свои вычисления с дыркой, на что сеньор Агиар с такой притворной строгостью советовал ему использовать ластик, что глаза Аугусто затуманивались влагой, одновременно с этим перо Эльвиры прекращало движение, но она не смела, поднять глаза, чтобы посмотреть на происходящее. И лишь когда звучный хохот фармацевта открывал, что все это было шуткой, а подопечный оказывался на коленях старого холостяка, ручка Эльвиры снова, как и прежде, скользила по бумаге.

Агиар установил для малыша расписание, позволяя ему делать перерыв между чтением, письмом и счетом. Так как он постоянно должен был ездить в городок, чтобы отослать с вокзала какое-либо поручения или снабжать аптеку сеньоры Леонтины, то у него вошло в привычку просить маленького Аугусто, чтобы во время такой перемены он сопровождал его. Для своих хлопот он использовал коляску с высокими колесами, которую венчал очень элегантный тент украшенный ламбрекеном и цветными кистями. Было обычным видеть, как мальчик долго ждет, пока Агиар освободиться от своих дел, чтобы продолжить вояж.

Поскольку ученик быстро решал поставленные ему сеньором Агиаром задачи, а тот выходил из себя, так как малыш каждую минуту отвлекал его от дела, то Аугусто, чтобы задержаться подольше стал рисовать под цифрами и словами. Вначале это были простые цветные точки, затем орнаменты и наконец, рисунки, которые поглощали его настолько, что теперь Агиару приходилось подзывать его к себе.

Поначалу Агиар ругал его за подобное «украшение» страниц тетради, напоминая, что его обязанностью было сдавать их в безупречном виде, однако со временем он стал больше интересоваться рисунками, чем результатом вычислений. Тем более, что по мере того как рисунок становился лучше, вычисления стали давать неверные результаты.

— Откуда ты скопировал это? — спросил он его однажды, рассматривая рисунок коляски, точно такой же что была в аптеке, запряженной лошадью изображенной в сложном ракурсе.

— Я это не копировал, нарисовал по памяти! — ответил он Агиару.

Агиар, не говоря ни слова, согнул лист пополам и засунул его в карман.

День за днем эти наброски накапливались, фармацевт, ставил на каждом дату, затем вставлял в папку, не особенно хваля его, чтобы малыш свободно выражался, а не делал это в ожидании благодарности. Эта причина побудила Агиара не показывать ему свои книги по искусству, следя, таким образом, за тем, чтобы мальчик не попал под преждевременное влияние.

— Я могу сделать копию большой картины, — заявил он, ему однажды, указывая на портрет алхимика.

— Попробуй. Вот тебе акварельные краски, — ответил Агиар, вытаскивая из ящика стола коробку, хранимую для особого случая.

Дело приобрело характер поединка. С одной стороны, Агиар не выказывал ни малейшего интереса к проверке работы, а мальчик, со своей стороны копировал ни один раз, не поднявшись с места. Краем глаза они следили друг за другом, в их душах боролись всякого рода противоречивые чувства. В конце дня, Агиар сделав вид, что игнорирует вызов, даже не подошел к прилавку, на котором находилась законченная копия. Маленький Аугусто с лихорадочным блеском в глазах и волнением, затрудняющим вести ему себя непринужденно, вышел, вслед за своей матерью не попрощавшись.

Агиар остался один. Зеленая лампа под молочным стеклом плавно раскачивалась, оставляя на полу световой круг, который колеблясь, то окрашивал, то обесцвечивал керамическую плитку. Сначала он решил запереть помещение, а затем осмотреть копию, которая разжигала его любопытство. Перед тем как положить ключ на полку, у него возникло желание оставить это дело на следующий день, но спохватившись, что ставит себя на один уровень с ребенком, решительно подошел к прилавку и взял лист. Он был на грани

обморока. Его глаза, непрестанно, переходили от акварели к картине, висевшей на стене. То, что он держал в руках, было небольшим шедевром, совершенно невероятной техники. Аккуратное наложение цветов, разумный порядок их применения, решения, сочетание и экономия средств были достойны великого художника.

— Боже мой, этот ребенок гений! — воскликнул он во весь голос, чуть не упав, если бы не оперся на стену.

Бросив дверь открытой, отчего лампа возобновила свое покачивание, он с трудом поднялся в коляску. Сжимая акварельный рисунок в руке, не переставая, стегал животное, которое доставило его одним махом до моста. Затем он спустился по другой стороне и устремился по направлению к Моранде. Между тем, как оглушительный шум вытаскивал из своих постелей доброе количество любопытных, он окутанный пылью круто остановился у забора, который едва удерживали кусты мансанильи.

— Аугусто! — крикнул он громко, налетая на дверь и пройдя прихожую, бросился к мальчику, который напуганный, как и его мать, приподнялся на кровати.

— Аугусто! — только и смог он выговорить, — Аугусто, ты не знаешь...!

И устремил взгляд на акварель, которая помятая падала рядом с кроватью. Ему показалось, что она вертится, все быстрее и быстрее. Цвета на рисунке перемешивались, пока не стали мелькать от быстроты. В этой карусели цветов он увидел города, премии, признание, путешествия, музеи, успех, почести. Перед жаждущими глазами Агиара вновь прошли страницы биографий художников и между ними сконфуженный маленький Аугусто. В его руках был один из таких талантов, но на этот раз это был живой человек, начинающий, точно такой же, как те персонажи, о которых он столько раз читал в своих книгах при свете свечи. Казалось, что один из тех персонажей, вышел из этих страниц в знак благодарности ему за постоянное и восторженное почитание к тем, кому были даны привилегия и счастье, творить.

4

Первые годы маленького художника прошли между аптекой и их домом в Моранде, под опекой фармацевта, которая с каждым разом становилась более строгой. За это время Аугусто прилагал усилия ко многим видам деятельности, однако, предпочтение отдавал учебным занятиям и художественному искусству. Агиар отверг его желание ходить в школу, обосновывая это тем, что условия этого приходского заведения не подходят для будущего великого художника. Похоже, фармацевт, поощряя сына Эльвиры к профессии к которой причислял и себя, позабыл обо всех тех прочитанных им невзгодах, которым подвергались художники, скульпторы и поэты и, что объявлял ее на своих салонах трудной и несправедливой. С той ночи, когда он обратил внимание на точность, с какой малыш

скопировал портрет алхимика, написанный маслом, он занялся не только его обучением, но и одеждой, питанием и другими мелочами, которые его хрупкая мать никогда бы не смогла ему предоставить. Несмотря на то, что самоотверженность Агиара носила характер горячего порыва, у него оставалось здоровое понимание того, что он не должен настаивать на том, в чем больше всего был заинтересован, на установке, которой он должен был следовать – обучение Аугусто его истинной профессии. Он даже запретил себе дарить Аугусто коробку масляных красок, ссылаясь на то, что это преждевременно, так как возможно, что неправильное применение этих материалов вызовет ошибки, которые позже будет трудно исправить. Разве, у него самого не получилось так с его скрипкой? Никаких экспромтов или дурного влияния!

Такая политика наставника позволила Аугусто перемежать преданность рисунку и акварели с опытом завязывания дружеских отношений и знакомства с природой. Поэтому нередко он мог несколько дней отсутствовать в аптеке, проводя это время в Моранде, окруженный какой-нибудь большой семьей, где он чувствовал себя братом детей и ребенком из обычной семьи.

Иногда Агиар с галереи видел семью, в полном составе продвигавшуюся гуськом по мосту к поселку и смешавшегося между детьми своего протеже, который очевидно был счастлив от возможности навестить какого-нибудь дальнего родственника или купить лакомство.

— В семействе уток находится лебедь, — говорил он, двигая значительно головой, чтобы затем вернуться к месту работы.

Аугусто предпочитал работать вне досягаемости Агиара, и поэтому обычно его можно было встретить в скромных забегаловках своего района, в окружении крестьян, рисующего на засаленной оберточной бумаге, разложенной на крышке бочки. Старая Флавия, взяв лампу с прилавка, поддерживала ее высоко около ребенка, который, не останавливаясь, продолжал рисовать портреты завсегдаев сидящих напротив него. Все там соответствовало ритму его руки, которая свободная от запретов двигалась, уверенно сама по себе. Послеполуденная тишина, суровость красок, которую бедность придает обстановке, очень четкий порядок и набор соответствующих вещей, вызывали восхищение у художника. Несмотря на свой малолетний возраст, Аугусто догадывался, что в местах подвергающихся асептике, таких как внутренние помещения аптеки, было невозможно отыскать интересные тени, глубокие цвета и причудливые композиции, как здесь, рядом с картошкой и фруктами, которые четко выделялись на фоне копоти и налета на стенах. Когда его глаза проникали в глубину бакалейной лавки, где недостаток света придавал расстоянию бесконечность, и находили какой-либо сосуд, едва выдававший свой оттенок или белую чашку, которая, наоборот, в потемках усиливала свой цвет, то он с горячностью, озадачивающей

присутствующих, пытался своей недостаточно отработанной пока еще техникой уловить все их совершенство.

Отдавая свои работы сеньору Агиару, он понимал, что реальность, запечатленная в его рисунках и набросках, схваченная им в условиях столь близких к натуре, переносится, таким образом, из одного места в другое. Реальность — великая категория!

— Реальность! Всегда реальность! Никогда по памяти! — повторял наставник, старательно пряча в папки те свидетельства, которые порождаются только нищетой, и зря их будут искать в аристократических местах.

Когда по вечерам Агиар уходил в свой дом, то по обыкновению провожал закат с галереи. Солнце, золотившее оконное стекло мешало фармацевту видеть густой кустарник, бежавший рядом с речушкой, за которыми была дорога, идущая до самого дома его протеже. Когда лучи солнца гасли, Агиар вставал, и пристально всматриваясь через эту даль, пытался определить местонахождение мерцающих огней поселка.

— Там находится великий талант, — восклицал он тихим голосом, возвращаясь в свое кресло, оставаясь в темноте, в которой он исчезал.

Интуитивно чувствуя, что мальчик скоро вырастет и все пойдет по-другому, Агиар решил, что в качестве скрытого прощания будет уместным отвести его в Сантьяго. Прежде он пошил ему пальто-шотладку у сеньориты Торо, к нему она за свой счет и без оглядки на моду добавила небольшую накидку из того же материала и шапку с козырьком. Агиар, хорошо знакомый с одеждой треклятых художников с Монмартра, остался доволен от немного устаревшего внешнего вида своего подопечного.

Они ехали на поезде в литерном вагоне, в том, что называют «салон», где вместо грубых сидений стояли плюшевые кресла, расставленные по вкусу пассажира. Программа включала следующее: завтрак в отеле «Крийон», экскурсия в Музей Изобразительного искусства, а вечером, прежде чем вернуться, посещение Муниципального Театра, где давали премьеру оперы «Лючия ди Ламмермур»⁸. Главную роль исполняла иностранная сопрано.

Как только они прибыли, то поскольку время завтрака уже прошло, сразу же поехали на такси в музей. В один миг поднялись по красивой каменной лестнице. Зелень парка за окнами спорила с прелестью написанных пейзажей, которыми посетители готовились восхищаться. Агиару и мальчику было не до подобных размышлений. При входе, фармацевт первым делом с почтением снял шляпу перед скульптурой Вирхиния Ариаса «Снятие с креста», которая находясь в центре вестибюля, была полностью освещена светом, исходящим из гигантского покрытого стеклом фонаря на крыше. Скользя рукой по плавным изгибам мрамора, он шел, осматривая разные фигуры группы:

⁸ «Лючия ди Ламмермур» - трагическая опера в трёх актах итальянского композитора Гаэтано Доницетти (1835).

— Шедевр! Из одного лишь куска! — подчеркнул он.

Экскурсия продолжилась по соседним залам, где внимание фармацевта привлекла масляная живопись Хуана Франциско Гонсалеса, Эгилуса и Пабло Бурхардов, художников близких к европейским живописцам, которыми он так восхищался и которых мог награждать эпитетами, предназначенными для них. Напротив, внимание Аугусто привлекли художники начала 19 века: Монвуазен, Вуд, Сирл и Ругентас. Больше всего его заинтересовало огромное полотно Монвуазена⁹, которое изображало 9 Термидора¹⁰, день, когда Робеспьер попал в беду. На картине можно было видеть, как доведенный до отчаяния лидер якобинцев, пытается успокоить мятежников. Его рука опиралась на колокольчик, но на это никто не обращал внимания. Полотно, выписанное с особой тщательностью, больше походило на книжную иллюстрацию, чем на художественное произведение.

— Тебе нравится это? — подверг его допросу Агиар, сделав недовольный жест, словно съел что-то отвратительное.

— Очень, — ответил ему мальчик. Ему трудно было отвести взгляд от холста.

— Это неоклассическая живопись, пустословие, гадость, мусор! Школа враждебная романтическим живописцам и импрессионистам, художникам свободным, чистым, света и пейзажа.

— Чья она? — перевел разговор мальчик, не обращая ни малейшего внимания на слова, которыми Агиар дискредитировал картину.

— Монвуазена... это второстепенный художник, собрат Энгра, еще один упертый — ответил он.

Сообразив, что мальчику безразлично его мнение, он зашел с другой стороны и начал говорить о технике художника девятнадцатого века, чтобы окончательно его дискредитировать.

— Хочешь знать, как он делал свои портреты?

Мальчик отвел свой взгляд от картины и с любопытством посмотрел на своего покровителя.

Когда он писал портрет то, чтобы сберечь время и труд приклеивал кружева прямо на непросохшую краску, затем отрывал их, оставляя отпечаток на полотне, таким образом, он обманывал клиента искусственными уловками, так как не имел таланта писать другим способом. Делец! И это, чтобы заработать больше денег и обогатиться! Напротив...

⁹ Раймон-Огюст Кюнсак-Монвуазен (Raymond-Auguste Quinsac-Monvoisin) (1790-1870) – французский исторический живописец и портретист. С 1848 по 1858 год работал в Южной Америке в том числе в чилийской Академии живописи и оказал большое влияние на приобщение чилийского общества к европейской моде.

¹⁰ Государственный переворот, произошедший 27 июля 1794 года во Франции и ставший одним из ключевых событий Великой французской революции.

импрессионисты... имея всего ничего... двумя или тремя прикосновениями... ты отходишь подальше... и перед тобой открывается вся фактура ткани!

— Мне больше нравится это — осмелился произнести Аугусто, пока Агиар не отвечая ему, тащил его, почти волоча из зала.

В отеле Крийон их обслужили официанты, один из которых, прежде чем Аугусто сел за стол снял с него его причудливое пальто.

— Что ты думаешь о гобеленах, висящих на стенах? — спросил его Агиар, — Это подлинные вещи семнадцатого века?

Мальчик, направив взгляд на ковры, на тончайший рисунок фигур, вспомнил жестокую сцену якобинцев.

— Кто был Робеспьер?

— Опять! Тиран, диктатор, видная фигура Французской Революции.

— Почему он носил очки на лбу?

Как только Агиар приготовился говорить о Робеспьере, официант принес поднос с холодным блюдом в желе серого цвета.

— Ешь, не будь привередливым, это самое изысканное, что у них есть! — посоветовал Агиар, поглощая желе, хлеб с маслом и вино трехлетней выдержки.

Нехотя, Аугусто прошелся по блюдам, пока не восстановил свое настроение перед бокалом мороженого с кремом, которое на несколько сантиметров выступало над краем стекла.

Закончив завтрак Агиар объяснил Аугусто, что салфетку не оставляют в том виде, в котором она была, правильной, если бросить ее на стол, как можно более скомканной.

Затем дав щедрые чаевые и подождав пока гарсон не наденет на Аугусто пальто и кепи, они покинули обеденный зал.

Выходя, Агиар допустил оплошность, войдя первым во вращающуюся дверь. Мальчик вынужден был войти в следующую секцию. Сбитый с толку неизвестной ему системой двери, он взялся рукой за ребро ее лопасти, которая зажала ему руку между стеклом рамы, это заставило его закричать, что напугало людей за столами и приостановило прохожих передвигавшихся снаружи. Агиар в невменяемом состоянии подхватил ребенка на руки и, не слушая советов, закрылся внутри такси.

Это правая рука, та, что держит кисти, думал в ужасе фармацевт, пока просил доставить их к вокзалу.

С забинтованной рукой на перевязи, в том же самом вагоне, в котором приехали, они возвращались в Льяйльях. Не смотря на то, что рана была не серьезная, в этом его заверил дежурный врач, Агиар отказался от посещения оперы.

В темноте зала, пока взволнованные зрители наслаждались известным секстетом из третьего акта, два кресла в ложе оставались незанятыми, и были объектом вожделения молодых людей переполнивших галерею.

К тринадцати годам, Аугусто, несмотря на свое хрупкое телосложение, приобрел уверенную манеру держаться, решительное и сердечное поведения в отношении к другим молодым людям с менее сильным характером, осуждал определенные недостатки. Пробивающиеся усы и пух на щеках усиливали цвет его темной кожи, как если бы легкая тень легла на его лицо. Наибольший интерес вызывали его большие и ясные глаза, заставляющие позабыть об остальных чертах лица. Хотя перевернутый треугольник от его плеч до пояса еще не очень выделялся, но тело уже начинало трансформироваться в мужское. Его ноги приобрели небольшой изгиб, что придавало его фигуре легкое высокомерие.

Чем более сознательным он становился, тем больше внимания уделял матери и когда мог, освобождал ее от утомительной работы. С воодушевлением занимал рабочее место матери, упрасывая, чтобы она вернулась домой, а он выполнит бухгалтерскую работу этого небольшого предприятия.

Агиара тайно мучили угрызения совести, так как он понимал, что пришло время отправить мальчика в школу, которая возьмет ответственность за его образование. Но боязнь потерять его заставляла откладывать это решение, основываясь на причинах не связанных с теми перспективами, на которые имел право его подопечный.

В течение лета, хотя деликатность никогда не позволила бы ему коснуться этого, юноша понял, что его особа была главной тревогой фармацевта. Даже во время салонов он не стремился превозносить память тех знаменитых художников, которых раньше не переставал хвалить и сравнивать с Аугусто.

Его утешала мысль, что школы в эти месяцы находятся на каникулах, и он вынужден отложить решение этого вопроса до начала осени.

Без другой какой-либо цели, кроме как поднять настроение своего покровителя, Аугусто предложил ему написать его портрет. Растроганный сеньор Агиар позировал на галерее дома и к своему удивлению обнаружил, что юноша вместо масляных красок, которые ему были запрещены, использовал для телесного цвета обувной гуталин, а зубную пасту, которой он заменял цинковые белила, для седины в бороде своей модели.

— Это невероятно! Сапожный крем и зубная паста! Сейчас же звоню в Винья дель Мар. Там я знаю известную художницу, которая дает в течение лета уроки одаренным ученикам.

И ничего больше не добавив, полагая, что это событие превыше его опасений, направился к висевшему на стене телефону, прокрутил ручку так, что он резко звякнул и

попросил соединить его с сеньорой Лукрецией Кортес. Через крик и перебои связи ему удалось рекомендовать ей Аугусто и записать в группу, которая начнет заниматься через несколько дней.

Повесив трубку, он вновь набрал номер телефона, на этот раз своих кузенов де Мораиш, которые, как и он по происхождению были португальцы. Это были одинокие сестра и брат, Аделаида и Арнальдо де Мораиш. Брат был значительно младше сестры, отчего она выглядела как его мать. Поочередно он поручил обоим своего подопечного, дав им всевозможные разъяснения, включая и те, что были неудобными для мальчика, как то его происхождение и история его матери.

Закончив разговор, он вновь пришел в смятение и, сделав несколько неуверенных шагов, обнял мальчика так, как будто они уже находились на железнодорожном вокзале.

На следующий день, впервые за многие годы, процессия, которая всегда отправлялась из поселка в аптеку, взяла противоположный курс. Все друзья Агиара считали своей обязанностью проводить мальчика и чтобы доказать свою преданность фармацевту, они пожелали сопровождать путешественника начиная с моста.

Форд Берхарда, велосипед фельдшера и экипаж сеньориты Леонтины шли на почтительном расстоянии от коляски Агиара, который сидя на козлах, управлял ею скрепя сердце. Эльвира сидела рядом со своим сыном, а на сидении напротив, чуть не падая, находились чемодан и корзина.

На перроне все эти люди окружили будущего художника.

Когда поезд отошел от платформы, Агиар, вне себя, вышел из группы и с трудом побежал рядом с окном мальчика, пытаясь сопровождать его, чем заставил свое сердце, бешено колотится, но его фигура с каждым разом становилась все меньше, и вскоре превратилась в малозаметное пятно.

5

— Ты Аугусто Медрано? — спросил кто-то елейным голосом, заставив юношу поднять глаза.

Перед ним сидел человек неопределенного возраста, свойственного людям, ведущим праздный образ жизни. Он был худощав, облачен, несмотря на время года в черное пальто, и надвинутой на огромные уши шляпе, тоже темного цвета. На его лицо были нанесены все оттенки кожи, которые можно было бы распределить лучше: нос красный и слегка мясистый, щеки усыпаны веснушками и все это покрыто болезненной бледностью. Стремительно выхватив у него чемодан, он направился к выходу. Между рукой в перчатке держащей чемодан и рукавом пальто оказалась кукла длинная и тонкая, такая обесцвеченная, что при

сером свете дня казалась отделенной от туловища. Аугусто с корзиной в руке последовал за ним, с трудом пытаясь не отстать.

— Завтра в три у тебя первое занятие по живописи. По этому случаю я лично сопровожу тебя во дворец Вергара — сказал он и, не дожидаясь ответа, повел его по площади Сукре в направлении улицы Арлеги.

Дом Мораишей был покрыт, как и большинство здешних коттеджей, лиственничным гонтом¹¹, крышу венчала заостренная башенка, наверху которой вращался во все стороны флюгер. Кроме того дом принадлежащий брату и сестре Мораиш имел балкон, который выступал из фасада покоясь на двух невзрачных колонах затеняющих вход. Между домом и оградой был короткий участок всегда влажный и затененный, там несколько папоротников и белокрыльников бились в окна обветшалого здания. Его облезлые стены серого цвета наводили на мысль о драконах и заколдованных дворцах.

Внутри прихожей в потемках брала начало огромная лестница, у которой была различима лишь верхняя половина, отчего нижние ступеньки были невидимы. И, если кто-нибудь, поднимаясь, опирался на украшавший перила шар, то вскрикивал от испуга, так как натыкался на прикрепленный там Арнальдо де Мораишем огромный кокос с глазами и бородой из конского волоса. Де Мораиш, чтобы удовлетворить свое извращенное воображение собирал необычные предметы. Это был трофей туземца, приобретенный по низкой цене на аукционе. По обеим сторонам лестницы находились гостиная и другие помещения все запертые на ключ.

Обычно с улицы поднимались прямо в спальни на втором этаже, место, откуда никогда не спускалась Аделаида, пожилая женщина, которая по причине слепоты была ограничена креслом. Нарушая этот обычай, сеньор де Мораиш, передав чемодан и корзину юноши одной из служанок, хотел провести Аугусто в гостиную, ему пришлось с силой навалиться на остекленную дверь, которая из-за влажности разбухла и открылась с трудом. Здесь повсюду стоял нездоровый запах, казалось, что мох видневшийся за грязными окнами устилает и плюшевые гардины того же цвета. На выцветших обоях виднелись следы оставленные дождями, которыми пропитались стены. На концертном рояле множество фотографий в рамках из серебра удваивались на блестящей крышке. Большинство из них имели дарственные надписи, которые пересекали лацканы костюмов мужчин или прически дам. Одна, очень значимая отличалась от других. Де Мораиш видя, что Аугусто рассматривал ее с особым вниманием, уточнил:

¹¹ Гонт - дранки или дощечки, остро сточенные с одной стороны и с пазом вдоль другой стороны, которыми кроют крыши, вкладывая сточенный конец одной дранки в паз другой.

— Это портрет подписанный Рубинштейном. Он был нашим большим другом и поэтому находится в доме.

Рука юноши не могла сдержать желание поднять крышку рояля. Клавиатура, пожелтевшая как зубы ее хозяина, была накрыта потертым сукном.

— Нельзя! — крикнул де Мораиш, закрыв ее с силой. — Никогда больше! Нельзя!

А затем, прищулив глаза, пояснил не без гордости:

— Искусство, мой друг, дело молодых. После пятидесяти лет следует посвятить себя Богу. Поэтому я забросил все это, и даже поменял свои языческие книги на благочестивые. Ничего мирского... — Говоря это, он рывком вытащил образок значительных размеров, находившийся у него на груди. Глаза де Мораиша, когда он что-либо утверждал, широко открывались и выдавали обратное тому, что он доказывал. Поэтому, когда он объяснял юноше свое отречение от всего мирского то, Аугусто видел в блеске этих глаз похоть, гордыню, ужасные грехи, а хотели они, само собой, разумеется, подтверждать вечное блаженство и уход.

— Моя сестра слепая — уточнил он без обиняков. Ей нравилось возмущаться неприкрытой реальностью, как бы предостерегая других, что мир на самом деле юдоль слез.

Когда поднялись, то прежде чем показать Аугусто его спальню, он представил его Аделаиде. Маленькая и сгорбленная с пучком распущенных белых прядей, которые казалось, висели в воздухе, женщина протянула руки и пробежалась ими по мальчику сверху вниз.

— Художник? Юный художник! — только и могла она вымолвить, ощупывая черты лица Аугусто, не переставая при этом улыбаться с невыразимой добротой.

— Мария — перебил ее де Мораиш, обращаясь к служанке, которая с восхищением наблюдала за сценой, — отведи молодого человека в его комнату.

Пока Аугусто следовал за служанкой в накрахмаленном чепце и переднике, он заметил, как де Мораиш сидя рядом с сестрой, начал читать ей с ангельским терпением.

— Я тоже слушаю эту повесть — пояснила ему служанка, толкая дверь спальни. — Многого не понимаю, но все равно слушаю внимательно. Книга называется «Майя»¹² — добавила она с гордостью.

Спальня имела столько мебели, что почти невозможно было передвигаться. Была, как и гостиная затемнена жалюзи и плотными занавесками. На тумбочке был виден бюст Скорбящей Богоматери закутанный в фиолетовую бархатную шаль, со скатывающимися по щекам слезами, и руками, опирающимися на стилет, вонзенный в середину груди, который шевелился, когда ходили по прогибавшемуся полу спальни.

¹² Видимо имеется в виду одна из книг Виктора Вольфганг фон Хагена (1908 —1985) — известного американского исследователя, историка, археолога, антрополога писавшего книги об ацтеках, инках и майя.

— Дон Арнальдо третий по порядку — объяснила служанка, перед тем как закрыть дверь.

Аугусто не слышал, что она сказала, так он был поглощен рассматриванием коллекции сфотографированных покойников и масок усопших, что висели на стенах. Большинство фотографий принадлежали детям и старикам, лежащих в кровати на спине в окружении цветочных венков и гирлянд, что впрочем, не лишало этих спящих усопших трогательности.

На следующий день, когда старинные напольные часы, стоящие напротив резного кокосового ореха пробили два часа пополудни, сеньор де Мораиш предстал перед юношей, чтобы отвести его во дворец Вергара.

— Прежде хочу подарить тебе кое-что — заявил он, открывая бюро, стоявшее в прихожей.

— Это для тебя. Моей сестре он уже не нужен — добавил затем он, протягивая ему изящную коробку с импортными масляными красками, портативный мольберт для прогулок, зонтик и складной табурет.

— Если краски высохли, как мне кажется,... они здесь уже больше тридцати лет,... скажешь мне,... я с удовольствием их заменю новыми.

— Что происходит? — воскликнула старушка, приблизив кресло почти к краю лестницы. У нее был очень острый слух.

— Я отдаю мальчику твой ящик для рисования — ответил он ей вовсе горло, как бы бросая вызов своей боли, в убеждении, что за такую жалкую жизнь, ему будет зарезервирована другая более достойная его души.

— Ах,... ящик...— повторила Аделаида, толкая свое кресло назад, которое под светом, падающим с противоположной стороны, стало вместе со старухой одним неясным предметом.

Часы на башне приходской церкви показывали почти три часа, когда стрелочник поднял шлагбаум, чтобы пешеходы и автомобили могли проехать. Экипажи заполнялись пассажирами, и разбежались в разные стороны, объехав вокруг площади. В ушах тех, кто прохаживался там, все еще звучал оглушающий гудок паровоза только что покинувшего платформу, под мерные звуки бронзового колокола, заставлявшего солнце соскальзывать с такой неустойчивой опоры.

Направившись через пальмовую рощу к дому Бланки Вергара¹³, сеньор де Мораиш почтительно, с едва уловимым жестом презрения снял шляпу, размышляя о том, что некогда

¹³ Дом, принадлежавший ранее Бланке Елене Вергара (1894–1940) известной чилийской светской даме и авантюристки, которая провела в нем последние годы своей жизни.

дворец давал приют принцу Абруцци и другим важным персонам, а сегодня предназначен быть музеем и академией изящных искусств, и находится в ужасном состоянии.

Перед своим разочарованным взглядом он видел кареты, сменяющие перед входом друг друга с которых сходили принаряженные женщины и мужчины в выходных костюмах. Одним из них был он. В одном из сундуков он все еще сохранял, не в силах его выбросить, старый фрак весь окантованный шелком.

— Городская управа! — пробормотал он, проверяя состояние кустов камелии и мраморного бюста изображавшего императора Адриана. Было искушение дойти до старинных солнечных часов или в то место, где музы на балясинах, под тенью гигантских экзотических деревьев предлагали вылепленные венки.

В памяти с головокружительной скоростью пронесли картины далекого путешествия в Европу, которое он совершил в обществе владелицы этого внушительного особняка. — Суета сует, — подумал он про себя. Хотя она была старше него, но это не помешало объединиться им в глубокой дружбе.

Его раздражало то, что он входит сюда как простой посетитель, тем более, что только ему было известно, что в былые времена хозяйка дома принимала его как одного из своих близких. Раздосадованный, он предпочел заняться юношей, для кого то, прошлое, имело другой смысл. Было желательным не лишать его иллюзии того, что он поступает в ведущую школу живописи города, а также раскрыть, откуда она взялось. Что однажды, когда обитатели дворца уже не могли вести прежний активный образ жизни и занимали его как реквизит на сцене театра не имея сил содержать его, они не нашли ничего лучшего, как продать его казне, указав, что открытие в нем академии и музея способствовало бы общественному благу.

Швейцар резко оторвал его от раздумий, показывая чековую книжку намекая, тем самым, что он должен заплатить за вход.

— Он, ученик — мстительно уточнил сеньор де Мораиш, пересекая огромный порог дворца.

— Кто вам нужен? — спросил тогда страж, услышав его слова.

— Преподавательница Лукреция Кортес — ответил этот равнодушно, подняв голову и изучая положение облаков, как будто бы речь шла о ком-то из его домашних.

В этот момент из офиса появилась женщина впечатляющего роста, чье сухощавое тело облегал женский костюм зеленого цвета. Гордо поднятая голова несла пучок волос так туго связанных в узел, что если бы это было не дань моде, то создавалось впечатление настоящего самоистязания. Ее большие глаза с отягощенными краской веками, которые она поднимала с трудом, долго смотрели не моргая. Ее маленький рот в красной помаде одолевал продолжительный звонкий кашель, из-за которого голос у нее был таким хриплым, что если

бы она говорила в темной комнате, то можно было спутать с баритоном. Нередко она держала в губах элегантный мундштук и не чувствовала ни малейшего угрызения совести окутывая своего собеседника плотными клубами дыма.

Сеньор де Мораиш прилагал усилия, чтобы не потерять свою импозантность перед такой пышной и огромной женщиной. Рост маленького Аугусто едва ли достигал ее пояса.

— Как вас величать? — спросила она, позволяя белым зубам осветить ее смуглый цвет лица.

— Арнальдо де Мораиш... Мы знакомы через моего кузена... —

— Ах... да... — отозвалась преподавательница и, выхватив у мальчика ящик для рисования, указала, чтобы он шел за ней.

Сеньор де Мораиш приготовился подняться по лестнице за ними, когда сеньорита повернула голову и, смотря на него сверху, предупредила:

— Вы не можете войти, сеньор де Мораиш. В зале позирует натурщица. — И не ожидая ответа, продолжила подниматься с мальчиком следующего за ней.

— Обнаженная,... какое безобразие! — изрек де Мораиш — До чего мы дошли! Черт возьми! Для этого же существует купальный костюм!

Он хотел было уже идти, когда сеньорита Лукреция вновь показалась на лестничной площадке, чтобы добавить:

— Сеньор де Мораиш, необходимо, чтобы вы немного задержались. Я должна принять у дитя небольшой экзамен.

Пока шел экзамен, сеньор де Мораиш по-прежнему впечатленный «жестокостью реальности», в которую ввергли мальчика, не достигшего еще даже пятнадцати лет, двинулся туда, что раньше было гостиной дворца, а теперь стало помещением для зарисовок. Глядя на себя в огромные зеркала, он видел изможденного, одетого в черное человека, все черты лица которого мельчали рядом с пламенеющим носом, и от этого вида ему захотелось плакать. Возможно там, где сейчас позировала та модель, была спальня его возлюбленной, которой он не осмеливался поцеловать даже кончики пальцев. Однако в то же время нагота позировавшей женщины напомнила ему о других женщинах, которые в прошлом, тоже нагие, допускали ласки, в которых отказывала ему владелица дворца. Тех, что он для вечной памяти записал в свою «тетрадь грехов» с именами и фамилиями и вместе с этим точное количество их расценок. А также болезни, из-за которых он был вынужден покинуть их. С годами ему достаточно было заставить горничную лезть наверх, чтобы бесконечно снимать пыль с одних и тех же гардин. Он же, откинувшись назад, не сводил с нее глаз, пока она бесполезно размахивая метелкой из перьев, развлекала его.

— А теперь есть в твоём доме девчонки! — воскликнул он огорченно, минуя зал в котором была картинная галерея.

Наверху начался экзамен. Аугусто избегал смотреть на натурщицу, которая на помосте с луком в одной руке и колчаном в другой стремилась заставить поверить учеников, что она была Дианой Охотницей.

Сеньорита Лукреция поставила перед мальчиком на подоконник окна гипсовую голову Цицерона. Через несколько минут рисунок изумил не только преподавательницу, но и остальных учеников. Его построение было прекрасным, а передача светотени настолько прозрачной, что имело уровень работы мастера. Пораженная сеньорита Лукреция спустилась по лестнице и пошла навстречу сеньору де Мораиш.

— Мальчик остается. У него необыкновенный талант — сказала она ему взволновано, между тем как де Мораиш вместо ответа, высокомерно пожал плечами.

Вновь пройдя через пальмы и направившись к своему дому, у него возникло желание сорвать для своей слепой сестры цветок камелии. Но на этот раз он воздержался от своего намерения и ускорил шаг. Ему хотелось прибыть как можно скорее к ней, единственному человеку в этом мире, у которого он мог скрыться от этой реальности и погрузится в книги «Майя», «Кузен Базилио», «Китаец», «Реликвия» и многие другие некогда популярные, а теперь забытые португальскими рассказчиками.

Этим вечером пока Аугусто и сеньор де Мораиш ужинали, для чего по такому случаю была открыта столовая, мальчик мог видеть, как хозяин дома позволял кухарке, свидетельнице его рождения, кормить себя в рот.

— Ты принес эскизы? — спросил он, надеясь, что мальчик раскроет перед его глазами обнаженную натуру, которой его лишила преподавательница.

— Да, — ответил Аугусто, выходя из-за стола, чтобы пойти за ними.

— Нынче женщин рисуют, в чем Бог их произвел на свет, — объяснил старухе де Мораиш, которая умоляла его открыть рот.

Когда Аугусто показал ему рисунки, на которых была изображена голова Цицерона из разных точек, все выполненные с поразительным совершенством, сеньор де Мораиш посмотрел на него, как будто бы видел его первый раз.

— Энгр!¹⁴ — воскликнул он, обращая внимание, как у Аугусто заблестели глаза. — Ах, эти стародавние художники!

И делая ему, знаки следовать за ним он повел его к секретеру. После чего порывшись в шкафу с решетчатыми дверцами, возложил на стол объемистый альбом с инкрустированным на ткани обложки именем Энгра.

¹⁴ Этим возгласом де Мораиш сравнивает Аугусто с Жаном Огюстом Энгром (1780—1867) — французским художником, живописцем и графиком, общепризнанным лидером европейского академизма XIX века.

— Он твой. Забери его в свою спальню, — добавил он, затем, улыбаясь, видя с каким благоговением, мальчик поднимался вверх, чтобы уединиться со своим сокровищем.

Напольные часы де Мораишей и часы на башне приходской церкви в унисон отбивали три часа пополудни, когда Аугусто полный нетерпения пересекал уже железнодорожный путь, ускоряя шаг к дворцу.

Обычно сеньорита Лукреция запаздывала, это позволяло ее ученикам обмениваться мыслями и завязывать знакомство между собой. Хотя их было не так много, но Аугусто испытывал радость, осознавая, что эти юноши и девушки проникнуты тем же страстным увлечением, что и он.

Пока они ожидали, постепенно среди некоей сутолоки возникали интересные разговоры, в которых мальчики и девочки говорили о тех трудностях, с которыми встречались в своих домах, чтобы следовать призванию художника. Другие же вступают в разговор с желанием показать свое возмущение с экстравагантным мнением, услышанным от полностью одержимых старых учителей или от старших учеников.

Одна рыжеволосая девочка немецкого происхождения объясняла какие лишения она испытывает из-за необходимости каждый день ездить на поезде из Кильпуэ, чтобы явиться на занятие, и пока другие сплетничают за десертом, она грунтует холст кистью. Ее подруга по мольберту молчала и лишь вздыхала, а тем временем с болезненным упорством вновь просматривая освещение бронзового заварочного чайника, придавая ему блеск кажущийся реальным. Аугусто был достопримечательностью курса. Сосредоточенный, неистово выжимая и бросая тюбики, не вступая в разговоры, он делал мазок, чтобы затем отойти назад и, прищурив глаза рассматривать полученный результат.

Натурщица, не переставая, с интересом водила глазами по всему залу, возмещая этим неподвижность на которую ее подвергли,. Аугусто с помощью куска ткани, опираясь на подлокотник, выполнял тонкое сфумато¹⁵, чтобы добиться нужного объема. Все это время он посматривал на мальчика с неопрятными светлыми волосами и в толстых очках, который положив холст на пол, капал на него краску из кружки, чтобы затем валиком разнести ее по всей поверхности. Другие мальчики, следуя его примеру, использовали шпатели и даже клеивали в холст бумагу и ткань.

Едва слышался скрип первой ступеньки, как в зал возвращалась тишина, и слышно было лишь, как бархатная занавеска, закрывавшая люстру, бьется о помост.

Громадная женщина, которой трудно было подниматься по лестнице из-за узкой юбки, долго задерживалась, пока, наконец, не появлялась в дверях. Как только это происходило, она изображала на лице широкую улыбку, которая пугала детей. Затем

¹⁵ Сфумато — в живописи смягчение очертаний фигур и предметов, которое позволяет передать окутывающий их воздух.

незамедлительно размещалась за кем-нибудь, кто был поближе к двери и своим углом для рисования, заменившим в этот момент ей мундштук, она яростно исправляла неправильно взятое направление, перечеркивая его много раз линиями, если речь шла о рисунке. В работах с масляными красками она ограничивалась лишь тем, что указывала на ошибку пальцем, выставляя напоказ свою точку зрения, что принуждало думать, будто она обладает большим мастерством. В отношении Аугусто она была более осмотрительной. Вместо того чтобы исправлять его таким манером, зная, что перед нею талантливый юноша, она предпочитала сесть рядом с его стулом, чтобы проследить в какой форме он будет решать задание.

Резким голосом она рассказывала анекдоты, над которыми только сама и смеялась. Посреди хохота, обычно внезапно обрывавшегося, чтобы превратится в выговор какому-либо ученику она снова и снова рассказывала о своих путешествиях, об учителях, сильном голоде, о товарищах по несчастью, не забывая перемежать подобную болтовню рассказами о своих достижениях и похвалах, которых, несмотря на трудности, ей удалось добиться и нередко от известных людей.

Хотя кроткая девочка, так и не оставившая в покое заварной чайник и маленькая немка из Кильпуэ были совершенно очарованы этой героиней, ее примером упорства среди невзгод судьбы, она неудовлетворенная безграничным восхищением этих воспитанниц, пыталась добиться того же и от Аугусто. Однако он был глух к ее рассказам и старательно искал ключ к формальному совершенству неоклассических художников, которые его так увлекли.

Видя безразличие юноши, сеньорита Лукреция упоминала известных художников, как бы призывая их на помощь, делая упор не то, что неделю питалась одним черствым хлебом, чтобы иметь возможность копировать в Эль Прадо картины Гойи с махами¹⁶.

Молодые люди, без толку расходовавшие краску, тот час отставляли валики и губки, чтобы посмотреть на ту сеньору, которая имела уникальную возможность созерцать гениев не через лживые репродукции, а живую.

— Давай посмотрим, мальчик! — восклицала она с нетерпением, направляясь к мольберту Аугусто, пытаясь привлечь его внимание. Для этого она использовала власть учителя, так как ее рассказ о себе как художника его не тронул.

Пораженная, она боялась что-либо исправить, чтобы, пожалуй, не вышло хуже, она ограничивалась указаниями соображений эстетического характера и заканчивала свою речь презрительным: — «Это устарело!», что заставляло молодых людей, считавшихся лучшими

¹⁶ Имеется в виду серия картин испанского художника Франсиско Гойи с изображением мах. Маха (исп. таја) – испанская женщина-горожанка из среднего класса ведущая независимый образ жизни.

на курсе переглянуться, как ее единомышленники, чтобы затем стоя на четвереньках продолжать подклеивать и оштукатуривать холст. Она же заметив этот знак уважения, и не желая прослыть симпатизирующей новаторским течениям, которые в это время возмущали мир, проворчала негромко: — «Антигуманное искусство!», фраза, заставившая девочек с еще большим удовольствием наводить лоск на все тот же заварной чайник и ставшей похожей на картон фигуру натурщицы.

Клуб дыма обволок преподавательницу, будто она хотела исчезнуть перед таким несоответствием и рука ее схватила не сигарету, а волшебную лампу.

6

По возвращении с занятий, когда настоящий дневной свет, которого он так добивался за мольбертом, уже ушел, Аугусто из стыдливости, прежде чем войти в дом, сворачивал эскизы с обнаженной натурой, чтобы спрятать их за корпусом газового счетчика.

Из прихожей слышался безостановочный голос сеньора де Мораиша, переносящего свою сестру через чтение в воображаемые пейзажи и города.

Однажды, во время ужина, когда Аугусто погруженный в свои мысли засмотрелся, забыв обо всем, на кувшин, увидев в нем ключ к решению проблемы светотени, которой он так увлекался, услышал как сеньор де Мораиш, воспользовавшись тем, что кухарка уставшая кормить его силой ушла, сказал:

— Почему бы тебе не пригласить сеньориту Лукрецию к нам на чай? Думаю, ты должен оказать ей внимание. Запечем пирожки по-португальски, и она будет очень довольна.

Аугусто растерянно посмотрел на него.

— Кажется, несколько лет назад я видел выставку твоей преподавательницы. Не скажу тебе, что был чрезвычайно восхищен, однако если мне память не изменяет, то среди ее картин была одна прелестная, представлявшая крестьянку за едой арбуза.

Каждый вечер в доме темой разговора становился вопрос приглашения и угощения, старая кухарка уже распотрошила книгу рецептов сладостей и десертов на многочисленные отдельные листки, которые хозяин переводил с португальского языка. И однажды Аугусто дождался, когда остальные ученики покинули зал, сделав нечеловеческое усилие, подошел к преподавательнице и попросил ее прийти следующим днем на чай.

— С большим удовольствием! — ответила она, подумав, что визит будет ей полезен тем, что в гостях ей удастся легче вселить им восхищение своей персоной. Кроме того ей было известно, что брат и сестра де Мораиши состоятельные люди, а это мнение хоть и ошибочное, заставляло ее думать о меценатах, общежитии и выгодных отношениях.

Напольные часы еще отзванивали пять часов, как раздался звонок и резной кокосовый орех направил пристальный взгляд на входные двери.

На этот раз, сеньорита Лукреция, сменив свой облегающий наряд, пришла в более свободном костюме красного цвета. Он подчеркивал смуглый цвет лица, приглушенный на уровне шеи прикрывавшей ее благоухающей меховой горжеткой. Звучный голос наполнил эхом безмолвный дом, который по этому случаю красовался открытыми дверями гостиной и других помещений. Аделаида на втором этаже, скрытая лестницей напрягла слух, чтобы представлять себе происходящее.

— Позвольте! — воскликнул сеньор де Мораиш, приподнимаясь, чтобы снять с нее меховую горжетку и не нашел ничего лучшего, как повесить ее на перилах лестницы укутав ею ужасный резной кокос.

Беседа уже достигла своей высшей точки, когда сеньорита Лукреция обратила внимание на бесчисленные фотографии знаменитостей выставленных на крышке рояля.

— Рубинштейн! Как это замечательно!

Однако де Мораиш с тем чувством пренебрежения, которое у него возникало, когда он полагал, что стоит перед человеком более низкого статуса, ограничился лишь чем-то наподобие улыбки, избегая каких-либо комментариев. Аугусто был озадачен, заметив эту деталь, поразившую его, он бы наоборот, хвастался тем, что был другом такого известного исполнителя.

На протяжении всего вечера де Мораиш говорил ей коротко и самое необходимое, отступая незамедлительно после того, как вбрасывал свои скупые фразы, чтобы вызвать у госты дерзкие суждения и бесконечные истории уже известные ученику, но в этот раз оттененные некоей долей озорства, которыми она надеялась вызвать смех хозяина дома.

Женщина не сдавалась, досадуя на саму себя, окутанная собственным смехом и дымом своих сигарет.

Неопределенные ответы де Мораиша превратили его в равнодушного зрителя сильной артистки, которая время от времени, как жертва кораблекрушения хватается за доску, бралась за подбородок Аугусто, засыпая его комплиментами.

В конце визита, когда не осталось способа поправить то, что было выражено, ни соответствующего количества пирожков, которые она поглощала одно за другим между рассказами о давних лишениях и голоде, чтобы загладить нечто, не зная хорошо, что именно, она воскликнула:

— Я хотела бы сделать портрет мальчика.

Де Мораиш прикрыл глаза, довольный ловушкой, которую женщина устроила сама себе.

— Это было бы очень интересно! — ответил он, глядя на Аугусто, словно передавая ему досаду за обещание.

— Она хочет содрать с нас деньги! — пробормотала наверху слепая, и сжала губы, полная желанием встать на защиту брата, считая, что он попал в затруднительное положение. Однако к своему удивлению услышала, что тот снова повторил:

— Это было бы интересно! Когда, когда вы начнете?

— Это решит Аугусто, — ответила она, рассчитывая, что на следующий день после занятий она заставит его сесть перед мольбертом.

Когда она покинула дом, сеньор де Мораиш, закрывая многочисленные створки дверей гостиной, поздравил себя с тем, что в свое время встал на правильную дорогу, удостоверившись еще раз почти с отвращением в невыносимом тщеславии этих простодушных существ — художников, которые гонятся за раем на земле.

Преподавательница напротив, почувствовав облегчение оттого, что этим вечером уже не надо было изображать из себя выдающуюся личность, испытала соблазн, отправится на берег моря. Скромное происхождение всегда заставляло ее делать реверансы перед состоятельными людьми, которые она знала, к сожалению, были теми, кто опрокидывали на головы бедных рог изобилия.

После занятий Аугусто позировал, сидя на чем-то, похожем на трон с высокой спинкой сплошь инкрустированный бронзовыми гвоздями, следуя, указаниям преподавательницы он опустил руки с равнодушием царственного натурщика.

Сеньор де Мораиш и его сестра строили всевозможные предположения о том, сколько «запросит назойливая преподавательница за портрет» и заранее поздравляли себя с тем, что были готовы категорически отказаться от картины. Однако сеньорита Кортес была более хитроумной, чем они думали. Она старалась не для того, чтобы получить деньги, так как с первого же взгляда видела, что их будет нелегко заполучить с сеньора, который за столом избегал намазывать масло на хлеб, ссылаясь на здоровье, а чтобы добиться восхищения своего подопечного, который как она знала, относится к ней настороженно.

Сеанс за сеансом накладывала она краски на нечто вроде куклы с большими настороженными глазами и нескладными руками. Она завершила портрет, когда учеба и лето подошли к концу. Тогда она позволила Аугусто посмотреть его и узнать себя. Не смотря на то, что она, несомненно, обладала мастерством художника — результат ее воли и одержимого характера, портрет получился слабоватым, в нем не хватало экспрессии. Недостатки картины объяснялись настроением и каждодневными пустыми разговорами, к коим автор прибегала, чтобы оттянуть свой провал.

— Он твой... это подарок — отметила она, пока, чтобы скрыть затянувшееся молчание своего ученика, выводила кистью в черной краске в одном из углов холста свои очень заметные инициалы.

— Хороший преподаватель не обязательно должен быть хорошим художником, — говорил ему однажды сеньор де Мораиш.

Привязав портрет к другим работам, которые были сделаны за эти месяцы, Аугусто спустился по лестнице. У выхода из дворца муниципальный оркестр репетировал военные песни, запуская ноты и блики от инструментов по опустевшему парку. Вздохи юноши рядом с ослиными звуками огромной трубы, которую солнце выбрало, чтобы подчеркнуть своими лучами тот последний день занятий, были незаметны.

В день, когда Аугусто покидал Винья дель Мар, сеньор де Мораиш помогал ему заносить в вагон пакеты и картины, нарисованные в течение этого времени, среди которых находился и портрет, и в это время к удивлению обоих на перроне появилась, сеньорита Лукреция. Она пришла с намерением проститься с ним, и была одета так же, как в день званого вечера, Романтически настроенная и бойкая, воспользовавшись моментом, когда сеньор де Мораиш отвлекся, она наклонилась к юноше и, взяв его лицо своей рукой в перчатке, заявила:

— У тебя большой талант. Если постарайся, то сможешь стать очень значимым художником.

Это было в первый раз, когда преподавательница получила от Аугусто так давно ожидаемое одобрение, словно все предыдущее умолчание уступило место восхищению, питаемое не столько художественными достоинствами, сколько другими более глубокими и ценными.

Портрет, увязанный шнуром с другими холстами, находился рядом, что как бы обязывало говорить о нем, однако никто из троих не решился на это.

А пока Аугусто наблюдал за этой парой из окошка вагона, и тем, каким образом они соблюдали приличия. Де Мораиш — солидный, озабоченный тем, чтобы казаться более учтивым, чем он был на самом деле, она же болтливая и даже кокетливая в своем стремлении к вечному притворству, полагавшая, что душа художника первична и неповторима, что с этим достоинством он рождается, а осуществление его творений успешно оно или слабовато будет вторичным. Он вновь поймал на себе взгляд полный нежности, устремленный на него этой женщиной, постоянно прерываемый лицемерным вниманием, которое оказывал ей сеньор де Мораиш.

В груди юноши росло непомерное желание прижаться к ней и плакать в ее руках. Она же, зная, что с ним происходит, продолжала смеяться и жестикулировать, заставляя смотреть на это бурное проявление чувств, говоря ему тем самым, что он должен научиться подчинять себе эти сентиментальные порывы, работая над этим кроме всего прочего всю свою будущую жизнь.

Наблюдая за сеньором де Мораиш, который контрастировал рядом с потрясающей женщиной, только что открытой им, Аугусто обрушил все негативные суждения, на которые был способен на его уродство. Однако вскоре опомнился, видя, как они вместе покидают перрон, и подумал, что, по крайней мере, у нее оставались в качестве утешения ее мечты, тогда как он не имел другой участи, кроме той, чтобы навечно быть глазами своей сестры.

И едва поезд тронулся с места, как он ощутил презрение к самому себе за то, что чересчур тешил свое самолюбие, и впервые в жизни познал одиночество, которое ожидает в этом мире наиболее успешных людей.

Сантьяго, 1978-1979